

В.Н. Томалинцев

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ КУЛЬТУРЫ

А Л Е Т Е Й Я

Владимир Томалинцев

**Экстремальные смыслы
культуры: популярное изложение
социальной экстремологии**

«Алетейя»

2019

УДК 316.62
ББК 60.55

Томалинцев В. Н.

Экстремальные смыслы культуры: популярное изложение социальной экстремологии / В. Н. Томалинцев — «Алетейя», 2019

ISBN 978-5-907115-79-8

В данной книге в популярной и доступной форме рассказывается о новой области гуманитарного знания и учебной дисциплине «Социальная экстремология», призванной рассмотреть влияние экстремальных законов и принципов на весь процесс становления и развития противоречивой человеческой деятельности. Работу отличает новый, нетривиальный взгляд на проблемы человека, его специфическую, парадоксальную активность, сохраняющую амплитуду от взлетов высокого творчества до экстремистских проявлений. Для всех, кого интересуют вопросы человека и общества.

УДК 316.62
ББК 60.55

ISBN 978-5-907115-79-8

© Томалинцев В. Н., 2019
© Алетейя, 2019

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. От рядового слова к научному понятию	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Владимир Томалинцев

Экстремальные смыслы

культуры. Популярное изложение

социальной экстремологии

Зрелыми не рождаются, но, изо дня в день, совершенствуя свою личность, изоцряясь в своем деле, человек достигает высшей зрелости, полноты достоинств преимуществ – это сказывается в изысканности вкуса, в утонченности ума, в основательности суждений, в безупречности желаний.

Бальтасар Грасиан

© В. Н. Томалинцев, 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Предисловие

На рубеже третьего тысячелетия стало очевидным усиление инновационной, экстремальной составляющей в жизни социума и личности. И этот аспект продолжает приобретать все большую актуальность и значимость. Естествознание всегда широко и с успехом использовало экстремальные значения, законы и принципы. Исследования в этом направлении традиционно осуществляются в области математики, физики, биологии, физиологии, медицины и т. д. В этих обстоятельствах О. С. Разумовским – одним из ведущих специалистов в области философского осмысления экстремальных проблем – выдвигается идея создания «философской теории экстремальности»¹. Позже, выделив экстремологию как самостоятельный раздел своего обширного труда «Оптимология», посвященного вопросам оптимальности и оптимизации, О. С. Разумовский заметил: «Это не значит, что уже сложилась специальная и самостоятельная наука или научная теория экстремальности. Возможно, что это когда-нибудь и произойдет»².

Между тем, оптимология, как и общая экстремология, уже двигались навстречу другой нарождающейся научной дисциплине – *социальной экстремологии*, призванной рассмотреть весь спектр экстремальных законов и факторов, воздействующих на развитие человеческой жизнедеятельности, ускоряющийся ход социально-исторического процесса.

Свою основную задачу социальная экстремология как новая гуманитарная наука видит в адаптации экстремальных принципов и методов к системным областям изучения человека и общества. Ибо теоретический анализ основных онтологических принципов обеспечивает большую строгость всей системы гуманитарных знаний, создает условия для возникновения иных, ясных критериев при рассмотрении общественных явлений, с этих позиций социальная экстремология должна помочь достроить то, что начато общей экстремологией, и тем самым, обеспечить целостный, системный взгляд на мир с учетом экстремальных факторов воздействия природы на человека и человека на природу (включая ноосферный подход). Этим объясняется и тот факт, что в рамках традиционной экстремологии все больше внимания уделяется антропному фактору. В свою очередь, социальной экстремологии необходим бесценный опыт общей экстремологии, определившей экстремальные закономерности и принципы, действующие как на физиологическом, биологическом, так и на физико-химическом уровне.

Таким образом, объектом такого исследовательского подхода выступает человек и его деятельность, а предметом – становится пограничная зона между философией естествознания и социальной философией.

В основе данного подхода и составляющей его методологии лежит исследование *феномена изоэссенности (остроты предельных, крайних и пограничных результатов и состояний)*, анализ его функционирования в культуре и творчестве, в целостной структуре развития жизнедеятельности человека.

Интересно отметить, что ещё в середине XIX века парадоксальный французский поэт Шарль Бодлер, работая над своей последней книгой «Дневники», представляющей записи мыслей, откровенных рассуждений, включающих разрозненные планы и будущие литературные проекты, в одном из её разделов «Моё обнажённое сердце» кратко, но довольно точно, предначертал основные задачи изысканий, близких к области социальной экстремологии: «На примере – писал Ш. Бодлер, – всех способов и систем, всех творений природы и всех творений человека изучить всеобщий и вечный закон градации, постепенности, неспешного продвижения вперёд, при котором сила всё нарастает, как сложные проценты в финансовом деле.

¹ Разумовский О.С. Экстремальные закономерности: категории наибольшего и наименьшего. Новосибирск, 1988, с. 41

² Разумовский О.С. Оптимология. Ч.1: Общенаучные и философско-методологические основы. Новосибирск, 1999, с. 223

То же самое с литературной и художественной сноровкой, то же самое с изменчивым сокровищем воли».³ И далее он предлагает «восславить ... культ обострённой впечатлительности» и провести «анализ заносчивой тупости».⁴

Научные исследования в данном направлении осуществляются с середины 80-х гг. XX века. Плодотворность и особая актуальность выдвинутого метода обнаруживается при анализе специфики реализации творческой (творчески экстремальной) и экстремистской активности человека. В этом случае антиподы – творчество (творческая экстремальность) и экстремизм – рассматриваются как частные случаи, производные экстремального развития, как отдельные элементы системы экстремальных факторов саморазвития, скрытых механизмов самоорганизации человека и общества.

Осмысление основных характеристик творчества и экстремизма как экстремумов человеческого духа в данном контексте позволяет уйти от субъективных оценок и расширяет базу объективного анализа мотивации поведения человека.

Основные положения социальной экстремологии формулировались в непростых условиях периода перестройки и последующих реформ в стенах НИИ Комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского Государственного университета. В результате новая научная дисциплина получила статус учебной. Она рассчитана на преподавание в высших учебных заведениях любого профиля и должна дополнить цикл тем, содержащихся в программах по социальной философии, социологии, культурологии, психологии, конфликтологии, проблематике научного управления обществом. В первом варианте она включена в учебный план по новой в нашей стране специальности – «организация работы с молодежью», подготовка специалистов по которой началась в 2004 году в Санкт-Петербургском университете и нескольких вузах страны.

В настоящее время все чаще проблематика социальной экстремологии становится темой курсовых и дипломных работ студентов, избирается как предмет диссертационных исследований среди аспирантов. Сведения о защите диссертаций по данной тематике поступают из разных городов страны.

³ Бодлер Шарль. Цветы зла. Стихотворения в прозе/ Сост. и вступ. статья Г.К. Косикова. М., 1993. С. 308.

⁴ Там же.

Глава 1. От рядового слова к научному понятию

Уважаемый читатель! Ваш возможный скепсис в отношении правомерности постановки вопроса о сущности творчества и сущности человека хорошо понятен. Еще триста лет назад великий Лейбниц говорил: «Я хотел бы, чтобы изобретатели дали нам историю путей, по которым они дошли до своих открытий. В тех случаях, когда они вовсе не сообщают нам этого, нужно попробовать отгадать эти пути...» Прошло три столетия, а слова эти до сих пор актуальны, т. к. задача до сих пор не решена вполне, к тому же сегодня она представляется еще более запутанной и сложной. Например, противопоставление таких исторических фигур, как Гитлер и Швейцер, Пол-Пот, и Мать Тереза, как нельзя лучше иллюстрирует всю сложность и диалектичность проблемы. В дальнейшем нам придется вернуться к подобным противопоставлениям.

Вместе с тем нельзя не заметить и тот факт, что человечество, так успешно развивающее все области доступного ему знания, продолжает оставаться в долгу перед одним из величайших своих учителей – Сократом, сказавшим: «Познай самого себя!». Действительно, что существенно нового человек может сказать о себе в начале XXI века? Человек, который овладел ядерной энергией, побывавший на луне, что мог бы он поведать о себе нового мудрому Сократу? Конечно, со времен античности до наших дней в копилку человекознания внесено много богатств, начиная с идей самого Сократа, возложившего все надежды на разум человека и добытые им знания, до Фрейда мужественно указавшего человечеству на то, какую важную роль в его жизни играет подсознание.

Сделано много, и это правда. Однако, положение таково, что сегодня всякий моралист с легкостью докажет, что смысл жизни как отдельного человека, так и целых классов и даже целых народов заключается в борьбе за счастье людей, за «права человека», за лучшее и светлое будущее последующих поколений. Однако, и самый стойкий либерал и непримиримый демократ бессильны ответить на вопросы: в чем смысл существования человечества, какие задачи возложены на вид *Homo Sapiens* создателем Природой? Такой же тайной остается вопрос о происхождении человека.

В вопросах творчества, и в частности, художественного творчества, та же картина. Эстетики, культурологи, искусствоведы убедительно покажут художественно-эстетическое и социально-гражданское значение творчества отдельного живописца, писателя, композитора, сообщат о значении целой художественной школы или направления в искусстве. Но во многом проблема сущности искусства, сущности прекрасного, художественного, совершенного остается открытой. С появлением в первой половине XX века в художественном творчестве неистовых модернистов в сфере искусства появился момент непредсказуемости и полной неопределенности. Не случайно критика модернизма, авангардного искусства появилась вместе с их возникновением. Модернисты обвинялись в деградации вкусов, разложении и аморализме, в упадочничестве и вырождении, в не уважении к публике и оболванивании ее. Фактически сторонники модернизма отлучались от искусства. В то же самое время выходят в свет такие теоретические работы, как «Философия искусства модернизма» Куликовой И.С., М., 1980, «Искусство и современный мир» Лившица М.А., М., 1978, «О модерне» Можнягун С.Е., М., 1970 и др., в самом названии которых признается наличие философии модернизма, и сам модернизм, допускается в лоно искусства. Более того, так картина П. Пикассо «Герника», написанная в модернистском ключе и признается выдающимся произведением искусства, имеющего заостренную социально-политическое звучание.⁵

⁵ Как известно картина П. Пикассо «Герника» была написана под сильным воздействием трагических событий в городе Герника во время гражданской войны в Испании и в предчувствии надвигающейся новой мировой войны.

За модернизмом последовала гораздо более опасная тенденция. Сегодня в массовой культуре под личиной современного искусства разворачивается движение акционизма, где целостная, стремящаяся к совершенствованию деятельность человека, замыкается на череде сугубо протестных или вовсе бессмысленных акций и их хитросплетений. В условиях диктата массовой культуры верх берут деспотизм и тирания безотчетной стихии изошренности, под которой скрывается самовластие самодовлеющей корыстной гордыни, приводящей к безумию самодурства, цель которого удивлять любыми средствами. При таком ходе вещей псевдоновации расширяются, растут, а культура сворачивается, съеживается как «шагреновая кожа». Мало этого, современный массовый человек все свои безумства и чудачества выкладывает в Интернет на всеобщее обозрение.

Творчество художественное ли, техническое, научное есть фундамент культуры. Любой культуролог в связи с этим укажет на существование культуры материальной и духовной, расскажет, хотя бы в общих чертах, о культурах современного и древнего мира, поведаст о культурах отдельных народов, а также различных культурах исторических эпох. Наверное, он упомянет о физической культуре, о культуре общения и поведения и т. д., однако дать единого четкого определения, что есть собственно культура, определить культуру, как конкретный феномен он, вряд ли, сможет.

К сожалению, сегодня мы не имеем вполне ясного определения и такого явления как интеллигентность. И на таком фоне, не смотря на идущую вперед научно-техническую революцию, в обществе происходят попятные движения к мещанству, вещизму, накопительству.

Таковы проблемы.

Конечно, в многовековой истории человекознания, истории этической и эстетической мысли найдется немало суждений на этот счет, накоплено гениальные открытия, прозорливые догадки, великие обобщения. И все же вопросов остается больше, чем ответов.

Так из учебников по эстетике мы знаем, что искусство, являясь формой общественного сознания, отражает реальную действительность и в отличие от науки пользуется языком образов, направленных на эмоциональное восприятие. В отличие от научной терминологии образы искусства могут быть многозначными как для создающего их художника, так и для воспринимающего их зрителя. Казалось бы, здесь все ясно, если речь идет о великих произведениях искусства, достойных вещах. Но такое определение является не полным, поскольку оно не способно объяснить разницу между истинным искусством и псевдо творчеством. Такое положение способствует возникновению и культивированию сомнительных, а то и бездарных произведений, что мы и наблюдаем сегодня на примере активной массовой культуры и агрессивной попсы. В современном искусстве все отчетливее встает вопрос о новых форматах, жестко определяемых такими понятиями, как инсталляция, перформанс, флэш-моб.

Весьма интересный и не менее сложный вопрос, который состоит в том, как определить с какого момента тот или иной вид человеческой деятельности становится творческим, а плоды этой деятельности предстают произведением искусства. Другими словами, с какого момента мы можем говорить о художественной ценности произведения. До сих пор не ясен момент, например, как могло случиться, что первоначальная техническая забава братьев Люмьер – кинематограф превратилась в десятую музу, вид искусства, которому В.И. Ленин пророчил стать важнейшим из всех искусств. Да, что кинематограф! Каким образом движение превратилось в танец, звуки – в музыку, линия – в рисунок, слово – в литературу, рифма – в стихи. Тоже произошло во всех сферах человеческой деятельности – в ремеслах, спорте, науках.

Сегодня в XXI веке проблема сущности прекрасного вновь требует прояснения. Что есть прекрасное? Каковы его критерии? Если различное понимание и идеалы прекрасного у различных народов, в различные времена, можно объяснить историческими условиями и бытом людей, то, как объяснить тягу людей к безобразному, интерес людей ко всякого рода ужасному, чудовищному, уродливому. Легенды и сказки, фольклор разных народов сплошь засе-

лены чудовищами, химерами и монстрами. Лешие, домовые и прочая нечистая сила, любимые сказочные персонажи. Многие любому зрелищу предпочитают фантасмагорию и кич. И сегодня подобное эмоциональное воздействие не только не изжило себя, но во многом усилило свои позиции, как в массовом искусстве, так и в массовом сознании. Сюрреализм с нереальными душераздирающими сюжетами, фильмы ужасов, фильмы-катастрофы, пользующиеся большой популярностью у массового зрителя. Особый жанр американского кино – гангстерский фильм, полный жестокости и насилия и наиболее, пожалуй, популярный жанр литературы и кино – детектив. Чем все это привлекает внимание современного массового читателя и зрителя? Не просто найти мостик между такими понятиями как «искусство», «прекрасное» и «преступление». Но в детективе, в классических его образцах, как раз и происходит слияние этих чуждых понятий. И раз мы обнаруживаем эту связь, то мы должны попытаться найти и связующее звено. И это то, что можно отнести к проблеме общего восприятия.

Если коснуться поступков отдельных людей, мотивов их поведения, их идеалов и помыслов, то здесь число вопросов, на самом деле, только возрастает. Действительно, что общего между такими людьми, как Гитлер и Швейцер, между семейством Лыковых, староверами, обречшими себя почти на полувековое заточение в глухой тайге, и альпинистами, покорившими Эверест, что общего между итальянскими террористами из «Красных бригад», орудовавшими в середине прошлого века и современными террористами из ИГИЛ, или американскими астронавтами, побывавшими на Луне. В чем точка соприкосновения между людьми, устраивающими состязания по катанию горошины носом или тараканьи бега, и людьми, опускающимися на дно океана с исследовательскими целями? Можно бесконечно составлять череду проявлений человеческой индивидуальности, поражающей своими противоречиями, и можно сделать её еще более парадоксальной и удивительной. Так, например, хирург, проводящий тончайшую операцию на мозге, или выполняющий пересадку сердца человеку и представитель, так называемой, «золотой молодёжи», который находит свое удовольствие в немотивированном насилии с возможностью выложить в Интернете результаты своих выходов.

И всё это – люди. Всё это – один биологический вид, представляющий собой удивительный спектр убеждений и умений от палачей до вегетарианцев. И, кажется, нет никакой возможности привести все это многоликое разнообразие к общему знаменателю. Однако, точка соприкосновения отдельных, пускай и полярно противоположных, порой, антагонистических человеческих действий, есть. Её нужно только схватить, правильно осмыслить, честно определить.

На протяжении всей истории философии предпринимались попытки подойти к объяснению сущности человека, сведению его поведения к одной общей доминанте. Так гедонизм, получивший особое развитие у Эпикура (эпикуреизм), сводит действие человека к общей цели – к получению наслаждения и избеганию страдания. В XIX веке эту линию продолжили утилитаристы, англичане Иеремия Бентам и Джон Стюарт Милль. Сегодня эта идея в своих крайних формах предстала как анархогедонизм.

Были попытки свести человеческое поведение к подчинению сверхъестественных сил (фатализм). Предпринимались попытки убедить в обратном (волюнтаризм). Фрейд, указавший на подсознание, как важный фактор человеческой жизнедеятельности, пытался выводить структуру и мотивы поведения человека из его бессознательных, прежде всего сексуальных влечений (либидо). Ницше, главным принципом философии и этики, (которому он придавал космический смысл), провозгласил волю к власти. Подобные подходы и обобщения помогли многое увидеть и понять. Однако, они так же ставили новые вопросы, обнаруживая новые проблемы. И прежде всего, потому что многие решения касались отдельных страт общества, отдельных типов личности, не касаясь самой специфики человеческой жизнедеятельности, особенности её природы.

Переходя к существу дела, необходимо отметить, что для успешного решения подобных проблем сегодня требуются новые подходы и соответствующий этому понятийно-категориальный аппарат во главе с дефиницией экстремального содержания, что совпадает с экстремальной природой человеческой жизнедеятельности.

«Изошрённость» – вот известное всем слово, но совершенно не изученное понятие, которое несёт с собой такие производные, как острота, тонкость, обострение, отточенность, а также пронзительность и проникновенность, которые необходимо ввести в рассуждение о человеке и его деятельности.

Представляется, что данное понятие способно в значительной степени прояснить проблемы, связанные с сущностью человека, начиная с вопросов о его происхождении и кончая вопросами его предназначения. Данное понятие, несущее в себе качественно новый экстремальный смысл, позволяет по-новому, с иной, не тривиальной точки зрения, взглянуть на Человека, даёт новый толчок, способствующий продвижению вечных вопросов по пути их решения.

Но прежде необходимо определить значение новой философской дефиниции, точно установив ее смысловой объём. Итак, под определением «изошрённость» понимается, во-первых, наивысший в процессе постоянного развития и становления, не виданный до сего результат, какой-либо деятельности, или создание принципиально нового вида деятельности, наивысшее, небывалое до сих пор, развитие дарований и способностей, новые, невиданные комбинации из известных или не известных ранее элементов. Во-вторых, понятие «изошрённость» гораздо шире понятия «творчество». Изошрённость включает в себя творчество, и эти понятия соотносятся, как целое и часть. Изошрённость в целом в отличие от творчества не ориентируется на нравственную оценку, она, говоря словами Ф. Ницше, стоит «по ту сторону добра и зла».

Очевидно, что негативная деятельность человека, не смотря на все присущие ей элементы развития и усложнения, не может быть сведена к понятию «творчество». В то же время, она не должна оказаться без ясного определения и четко выраженного понятия. Таким необходимым, экстремально значимым термином, здесь предстаёт понятие изошрённости, которое прекрасно работает, как применительно к процессу творчества, например, «изошрённый узор», «изошрённое мастерство», так и к той области человеческой деятельности, которую мы относим к негативной, но которая, в свою очередь, так же имеет тенденцию к изменению и усложнению – «изошрённое злодейство», «изошрённое коварство», «изошрённый обман» и т. д. Отсутствие подобной категории, непонимание истинного места творчества в сложной структуре парадоксальных человеческих деяний мешает осознанию и осмыслению основ человеческой природы, самих сущностных сил человека, вносит значительную путаницу, определённую меру сумятицы и сумбура во все области человекознания.

Широко известно мнение, что каждому человеку присуща потребность в творчестве и связывается это с потребностью человека в самореализации и самоутверждении. Но здесь и начинаются основные сложности. Потребность ли это в самореализации? Да. Потребность ли это в самоутверждении? Безусловно. И эта потребность, за редким исключением, свойственна подавляющему большинству людей. Но дело в том, что все эти стремления не обязательно со знаком плюс и это еще далеко не всегда потребность в творчестве. Необходимо четко уяснить, что творчеством является только сравнительно не большая часть, человеческих свершений, направленных на общее благо, та сравнительно ограниченная часть деятельности среди огромного числа пустых, а то и вредных, злонамеренных уловок и ухищрений, имеющих узкоэгоистический характер. Так рядовой хулиган своими действиями нарушающий общепринятый порядок, унижающий достоинство людей, по-своему, тоже пытается самоутвердиться и самореализоваться. Но что общего это имеет с творчеством? К сожалению, многие негативные человеческие проявления имеют скрытую, не явную форму, чем становятся еще более

опасными. Достаточно вспомнить известных представителей преступного мира – Алькапоне, Месрина, знаменитых авантюристов своего времени (XVIII в.) Джакомо Казанову и Александра Калиостро.

Человек обречён на постоянные поиски нового, необычного, невиданного, небывалого. Ненасытный и неуемный, вечно ищущий дух человеческий, приговорён к перманентной возгонке. Это – его судьба, рок, его сущность.

Если допустить, что эту свою специфическую потребность человек утратил, то в этом случае неизбежен результат, при котором человечество вернулось бы к первобытному состоянию. Отчасти, угасанием данной потребности, мы можем объяснить формирование таких феноменов как гражданская отчуждённость, равнодушие, всего того, что теперь определяется, как «пофигизм». Такое умонастроение может овладеть личностью на любом уровне её становления. Ещё более ярко выражен этот процесс у деклассированных элементов, у деградирующих личностей, скажем, у людей, страдающих запущенной формой хронического алкоголизма, наркоманией иными формами психологической зависимости.

Изощренность – предтеча творчества, в отличие от последнего изощренность – процесс стихийный и гораздо менее осознанный. Это та область проявления человеческого духа, в которой и происходит рождение, становление, кристаллизация творческого начала. Не поняв места творчества в истории человеческой жизнедеятельности, не поняв того, что творчество является только лишь частью (пусть, наилучшей частью) чего-то большего, чего-то общего, а именно – стихийного движения к утончению, мы никогда не сможем исчерпывающе обосновать переход от инстинктивной деятельности предчеловека к так или иначе осознанной деятельности творческой человеческой личности. Между инстинктивной деятельностью животных и творческими проявлениями человеческого духа должно лежать исторически связующее звено. Таким звеном выступает стихийная изощренность, механизмом которой является, в итоге, бесконечная цепь все более тонких рефлексов, которые обеспечивают постоянный процесс становления сознания, кристаллизуя, аккумулируя творческий потенциал человека.

Не случайно отсутствие в теоретическом анализе культуры дифференцированного подхода к таким явлениям духовной жизни человека, как стихийное и творческая изощренность, задерживает решение многих важных проблем, как в теории культуры, творчества, так и в теории личности, мешает созданию подлинной философии духа в целом.

«На протяжении всей человеческой истории, – пишет Н.К. Серов, – огромной притягательной силой для людей обладали рассказы о выдающихся достижениях. Сначала, в самых древних мифах, это были повествования о подвигах и приключениях необычных героев, полубогов-полулюдей. Гельгамеш у шумеров, Геракл у древних греков, Хун-Ахну, Шбаланке и другие герои в древне-американском эпосе «Пополь-Вух» – у каждого народа свои могучие Илья Муромцы. В течение многих веков накапливались предания о могущественных правителях, полководцах, вождях, о святых мучениках, затем к ним добавились жизнеописания замечательных творцов в области искусства, литературы, науки».⁶

На это указывает и присутствие общественной иерархии, существовавшей во все времена: фиксация разного уровня квалификаций и отличий – от средневековых титулов феодальной знати, духовных и научных званий, табели о рангах, армейской системы воинских отличий до современных тарифных сеток и разрядов.

В этом ясно усматривается и то, что потребность в поиске эмоциональной остроты свойственна всем людям, но проявляется различно, на разных уровнях духовного и душевного развития личности. Это хорошо иллюстрируют, с одной стороны, книжная серия «Жизнь замечательных людей», в которой ее основатель великий писатель М. Горький угадал главное – жажду людей к истории выдающихся достижений, открытий и результатов, жажду к истории

⁶ Серов Н.К. *Время и мы*. – Л., 1980, с. 25–26.

подвигов и рекордов, в какой бы области полезной человеческой деятельности они не появлялись, с другой – книга Гиннеса, призванная фиксировать самые невероятные «достижения» и «рекорды»: наиболее длинные волосы или ногти, самый долгий танец или поцелуй, результаты соревнований по тараканьим бегам и лягушачьим скачкам.

В эпоху социальных перемен, когда огромная масса людей приобщается к более демократичным условиям общественной жизни, когда они стремятся не столько вписаться в культуру, сколько выработать свою доступную им форму самовыражения, с необходимостью возникают новые варианты продвижения, по горизонтальной шкале развития, выражающейся в поп-арте, в различных видах современного массового искусства, в тех рекордах и достижениях, масштабы которых оказываются доступными большинству. Без преувеличения можно сказать, что острота новых свежих переживаний одинаково необходима различным людям с различными типами личностями. Трагедия же многих из них состоит в неумении ясно и своевременно определить свое истинное предназначение в результате напрасно, по пустякам растрачивается жар души, поддерживаемый до поры до времени известной надеждой найти себя в творчестве.

Природа изощренности плюралистична, поскольку, как уже говорилось, она лежит «по ту сторону добра и зла» и является той точкой соприкосновения всех видов и форм человеческой деятельности, которую издавна пытались найти.

Отсюда мы можем сказать, что красивыми могут являться и математическая задача, и физическая формула, и гимнастическое упражнение. Прекрасными могут предстать картины, мелодии, стихи или лица любимых, во всех этих случаях без ущерба для смысла мы можем заменить слово «красивое», «прекрасное» на слово «интересное»: интересная формула, интересная мелодия, интересное лицо. Такая замена возможна лишь потому, что истинный смысл всего перечисленного в том и состоит, что и прекрасно и интересно только то, что по-настоящему ново и отточено, что одновременно оригинально и неожиданно.

В свое время древние греки ремесла, искусства, науку и технику называли одним словом «*techne*» (мастерство). И только гораздо позже духовная деятельность – привилегия богатых рабовладельцев, стала обозначаться термином «*ars*» (искусство), а это значит, что уже у древних существовало чувство взаимосвязи между различными занятиями. Можно много говорить о поисках нового в ремесле, искусстве, науке, о поисках пределов человеческих возможностей в спорте и других самых разных и неожиданных областях человеческой деятельности. Но лучше обратиться к литературным образам, рождённым в высказываниях серьёзных авторов – писателей, представителей культуры, пытавшихся раскрыть исследуемый нами вопрос.

Так, писатель Михаил Пришвин писал: «Человек живет и рождает новое, и от него остается навсегда то небывалое, что он рождает словом, делом, помышлением, поклоном даже, или пожатием руки, или только улыбкой посылаемой». ⁷ И далее: «Мне всегда казалось, что каждый человек, если он добьется своего места в жизни, приносит для всех непременно, что-нибудь новое, небывалое и в этом есть все наше творчество». ⁸

⁷ Пришвин М.М. Дорога к другу. Л., 1978, с. 132.

⁸ Пришвин М.М. Там же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.